

ЯРМАРКА

ПОД ЧУЖОЙ ЛУНОЙ

Арион

Ярмарка под чужой луной

«Автор»

2026

Арион

Ярмарка под чужой луной / Арион — «Автор», 2026

Я привыкла делать чудеса из ткани и дерева. Поэтому работа на странствующей ярмарке казалась вполне подходящей. Пока деревянный лис не шевельнул ушами. Теперь над моей головой чужая луна, а рядом — люди, к которым я успела привязаться. Особенно один торговец тканями. С ним даже дорога за покупками получается подозрительно долгой. Мне всё больше хочется здесь остаться. Но чем привычнее становятся ярмарочные огни, тем отчётливее я замечаю то, что прячется за ними.

© Арион, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний поклон	5
Глава 2. Куклы не спят	10
Глава 3. Разговор за ужином	16
Глава 4. По ту сторону ворот	21
Глава 5. До вечернего чая	27
Глава 6. Одна ночь	33
Глава 7. Синий шёлк	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ярмарка под чужой луной

Глава 1. Последний поклон

Корона опять сползла королю на глаза.

Из-за кулисы мне было видно, как он осторожно двигает бровями, пытаясь поднять её повыше. На репетиции это помогало. Сегодня бархат под венцом отсырел от жары, резинка растянулась, и король уже дважды читал свой монолог, глядя в маленькое отверстие между картонными зубцами.

Я поймала взгляд Лиды и показала на собственный лоб. Она прижала палец к губам: сейчас начнётся самое важное.

Самое важное заключалось в том, что королю предстояло отказаться от престола. Я искренне желала ему поскорее это сделать.

Он договорил, медленно снял корону и протянул принцессе. Та взяла её обеими руками. Из первого ряда донеслось сочувственное детское «ой», потому что вместе с короной у короля приподнялся парик.

Я зажмурилась.

Принцесса, молодец, не растерялась. Осторожно поправила отцу волосы, поцеловала его в лоб и продолжила сцену. Сбоку от меня Лида беззвучно захлопала.

После финального поклона король первым делом отдал мне венец.

— Соня, сделай что-нибудь. У нас в следующую субботу снова этот спектакль.

— Ну так примерил бы до спектакля, и не было бы проблем.

— Так я проверял!

— Парик же другой был.

Он посмотрел на корону с таким удивлением, будто о существовании волос мы договорились только сейчас.

— Ладно. Пойду переоденусь.

Я отцепила от бархата несколько прилипших седых волосков и понесла венец в мастерскую. По дороге пришлось обогнуть трон, который рабочие сцены уже выкатили в коридор. На спинке висела принцессина накидка. Я сняла её, пока кто-нибудь не наступил на подол, и перекинула через плечо.

В нашей маленькой мастерской пахло клеем, нагретым утюгом и апельсиновой кожурой. На подоконнике остывала чашка, которую я оставила ещё перед началом спектакля. Лида принесла вторую и пристроилась на краю раскройного стола.

— Корону починишь?

— Сейчас. Поставлю резинку покороче. Ты проследи, чтобы он больше сам её не переставлял.

Лида кивнула и подвинула ко мне тарелку с куском пирога. Я взяла вилку, потом заметила каплю клея на пальце и всё-таки пошла мыть руки.

Мы почти три недели готовили этот спектакль. Я делала корону, резные накладки на трон и фонари, которые со сцены должны были казаться стеклянными. Лида отвечала за костюмы и уже знала, что мне нельзя предлагать еду, пока я держу в руках недоделанную вещь. Я обязательно соглашалась поесть, после чего пирог засыхал рядом с ножницами.

Когда я вернулась, она складывала обрезки в большую коробку.

— Синие оставь, — попросила я. — Пригодятся.

— Мне или тебе?

Я остановилась возле стола.

— А. Точно. Тебе.

Сегодня был мой последний рабочий день в театре.

Сам по себе факт давно известный. Меня пригласили на постановку, постановку мы выпустили, расчёт бухгалтер обещала перевести в понедельник. Завтра у меня могло быть сколько угодно дел, но сюда я уже не должна была приходить в десять утра.

Лида тихонько поставила коробку на пол.

— Не делай такое лицо. Ты ещё к нам вернёшься.

— Я не делаю.

— Делаешь. Будто мы тебя вместе с тронem в кладовку запираем.

Я засмеялась и взяла корону. Работы в городе хватало, иногда даже приходилось отказываться. Просто за три недели я успевала привыкнуть, какая ступенька скрипит, где лежат чистые чашки и кто непременно придёт попросить булавку за минуту до выхода. Уходить после этого было чуть труднее, чем казалось в день заключения договора.

Лида дала мне доесть пирог и только потом достала телефон.

— Кстати о работе. Тебе на следующей неделе что-нибудь обещали?

— Школьный фестиваль. Но там ещё решают, нужны им деревья или корабль.

— Богатый выбор.

— Зависит от того, кто победит на родительском собрании.

Лида пролистала переписку.

— Есть одна знакомая. Я ей зимой плащи подшивала. У неё передвижная ярмарка, представления, кукольный театр. Сейчас стоят у старого парка. Нужен человек привести в порядок реквизит, помочь кукольнику. На несколько дней точно, дальше как договоритесь.

— Куклы какие?

— Деревянные. Красивые. И хозяин у них с характером.

Я насторожилась.

— Очень?

— Хозяин? Нет, терпимый. Я про одну куклу.

Лида показала фотографию. На скамье, прислонившись к стене зелёного фургона, сидела длинноногая цапля. На одном снимке клюв был открыт, на другом закрыт. Стыки на шее не просматривались, хотя шея явно сгибалась.

Я увеличила изображение.

— Хорошо сделана.

— Вот и я о том. Хозяйку зовут Агата. Заплатила сразу, ещё яблок принесла. Я сказала, что спрошу тебя.

— Спроси. Если это на несколько дней, то фестиваль успеет определиться с природой.

Пока Лида набирала сообщение, я пришила новую резинку к внутреннему краю короны. Венец послушно сел мне на голову, не сползал и вообще вёл себя гораздо лучше, чем на короле. Я повернулась к маленькому зеркалу над раковиной.

— Ну?

Лида подняла глаза от телефона.

— Тебе идёт. Можешь сразу на собеседование так идти.

Я сняла корону и убрала в коробку.

Через двадцать минут всё, что принадлежало мне, поместилось в сумку и плоский ящик с инструментами. Ножницы я пересчитала дважды. Лида держала дверь, пока я протискивалась с ящиком в коридор.

— Агата будет ждать тебя завтра после одиннадцати. Можно прийти без инструментов, сначала посмотрите, что к чему.

— А если там цапля на меня обидится?

— Предложи яблоко.

На улице шёл мелкий дождь. Я переложила ящик в другую руку и остановилась под козырьком, чтобы позвонить маме. Она ответила не сразу: в трубке прозвучали три одинаковые ноты, потом детский голос упрямо повторил их ещё раз.

— Мам, это я. Ты занимаешься?

— Уже закончили. Миша, папку не забудь. Да, Соня, слушаю.

— Я освободилась. Хотела зайти завтра, но у меня встреча по работе. Лучше вечером?

— Приходи вечером. Аня тоже собирается. Ты поела?

Я посмотрела на мокрые ступени.

— Пирог.

— Это я слышу. Поела?

— Мам, сейчас доеду и поем.

Она помолчала с тем особенным терпением, которое полагалось у неё взрослым дочерям и детям, забывшим ноты.

— Ладно. Завтра сварю суп. Расскажешь, что за работа.

Я пообещала и убрала телефон.

До остановки было недалеко. Через дорогу кто-то продавал нарциссы из пластикового ведра, и я купила маленький пучок. Дома поставила его в банку между кастрюлей и сушилкой для посуды. К вечеру бутоны раскрылись, на кухне запахло мокрыми стеблями.

Я разобрала инструменты, записала в блокнот адрес ярмарки и наконец разогрела ужин.

* * *

У старого парка ещё лежал прошлогодний лист. Дождь прибил его к земле, и вдоль дорожек тянулись тёмные влажные полосы. Я помнила здесь летние палатки с кукурузой, детские машинки и карусель, которую в последние годы открывали всё реже. Сегодня за железной оградой стояли настоящие фургоны.

Не грузовые прицепы, переодетые для праздника. По крайней мере, с дорожки они выглядели именно как старые деревянные повозки: большие колёса, высокие дверцы, ступеньки, маленькие окна. На одном сушились полосатые полотенца. Между двумя другими женщина встряхивала половик.

Я прошла под вывеской, обещавшей вечернее представление. Крупные буквы были написаны от руки, и у последней «Е» хвостик превратился в ветку с зелёными листьями. Кто-то очень аккуратно растушевал тень.

— Простите, где можно найти Агату?

Женщина с половиком опустила руки.

— Вы к нам работать?

— Надеюсь.

— Тогда она вас уже видела. Сейчас придёт.

Я оглянулась. Из-за красного фургона вышла невысокая полная женщина в тёмной юбке и вязаной кофте. Седые волосы у неё были собраны в косу. Она держала кружку и, подходя, успела локтем поправить съехавшую занавеску на чужом окне.

— Соня? Я Агата. Лида о вас рассказывала. Чай будете?

— Буду. Только сначала хотелось бы посмотреть работу.

— Это мы можем одновременно. Нада, у нас есть ещё кипяток?

Женщина с половиком махнула в сторону большого медного чайника.

Агата налила мне чай в тяжёлую кружку с зелёной полосой. Сахар стоял в жестяной банке, возле него лежала ложечка с погнутой ручкой. Я положила в чай один кусочек и пошла за хозяйкой.

Она не стала сразу хвалить ярмарку. Показала, где будет сцена, где хранятся ткани, провела мимо закрытого зеркального павильона, на котором двое мужчин чинили навес. Потом остановилась возле жёлтого фургона.

— Тихон сейчас сердится. Вы не обращайте внимания, он с утра одну цаплю потерял.

— Деревянную?

Агата посмотрела на меня.

— Лида показывала?

Я кивнула.

— Красивую работу интересно рассмотреть вблизи.

— Вот это ему и скажите. Сразу подберет.

Внутри было тесно. Я задержалась на пороге, чтобы не задеть плечом подвешенного над дверью аиста. На полках стояли куклы, в неглубоких ящичках лежали глаза, выточенные из светлого дерева ладони и крошечные башмаки. Под потолком висели связки сухих трав. Пахло стружкой и ещё чем-то терпким, напоминающим растёртую полынь.

У окна сидел сухой седой человек в кожаном переднике. Он зажимал между коленями деревянную лошадку и тонкой кистью подправлял ей гриву.

— Тихон, я привела Соню.

— Вижу, что не цаплю.

— Она умеет чинить реквизит.

Тихон посмотрел на мои руки.

Я поставила кружку на свободный край стола. На указательном пальце остался след от вчерашнего клея, сколько я его ни оттирала. Если это было частью собеседования, то я могла предъявить и остальные девять.

— С чем работали? — спросил он.

Я рассказала. Он не перебивал, только однажды уточнил, чем я укрепляла тонкий край маски. После ответа отложил кисть.

— Покажу кое-что.

Агата ушла заниматься своими делами, а я следующие полчаса разглядывала кукольный занавес, два старых парика и дракона, у которого порвалась перепонка на крыле. Ничего особенно страшного: аккуратная чистка, мелкий ремонт, подобрать ткань, подкрасить потёртости. С драконом я попросила не спешить. Его крыло складывалось так ловко, что сначала хотелось понять, где проходит тяга.

Тихон разрешил рассматривать сколько угодно, но дракона из рук не выпустил.

— Сейчас заклинит? — спросила я.

— Может обидеться.

Я улыбнулась. Мастера нередко разговаривали о своих вещах именно так. Лида называла старый уют заслуженным артистом и отказывалась менять его на новый.

Мы договорились, что утром я принесу инструменты. Тихон достал из ящика деньги на материалы, пересчитал и завернул в бумагу. Сумму написал снаружи, чтобы я проверила дома. Эта простая предусмотрительность мне понравилась.

— А цаплю вы нашли? — спросила я уже на ступеньках.

— Найдётся. Если увидите возле кухни, то скажите, что я не сержусь.

Я решила, что это тоже часть местных шуток, и пообещала передать.

Агата ждала возле навеса. Мы поговорили об оплате и часах работы. Я предупредила о школьном фестивале, она сказала, что до конца недели они в любом случае останутся здесь. Дальше можно будет договориться отдельно.

Всё было настолько обычно, что по дороге к выходу я уже составляла список покупок.

У самого последнего фургона что-то хрустнуло.

Я обернулась. На нижней ступеньке сидел деревянный лис. Небольшой, чуть длиннее моей ладони, с узкой мордой и острыми ушами. Правое ухо было потёрто, возле основания проступало светлое дерево. На груди виднелись тонкие следы резца.

Лис держал в зубах печенье.

Я остановилась, чтобы рассмотреть его. Очень удачная поза: передние лапы чуть расставлены, спина выгнута, хвост обёрнут вокруг задних. Никакой подставки. Похоже, стоять он мог сам.

Печенье упало.

Лис наклонил голову, прыгнул со ступеньки и прижал его лапой.

Я не сразу поняла, что именно мне не понравилось.

Потом медленно посмотрела под фургон. Ни человека, ни проволоки. Между колёсами лежала мокрая трава.

Лис откусил ещё кусочек. Крошки посыпались из деревянной пасти.

— Подожди, — сказала я.

Он повернулся ко мне, шевельнул ушами и побежал под фургон, унося остаток печенья.

Я опустилась на корточки.

С той стороны повозки чьи-то руки поставили на землю корзину. Над краем показалась длинная деревянная шея. Цапля осторожно вытащила из корзины яблоко и спряталась обратно.

Я ещё несколько секунд сидела, глядя на колёса.

Потом встала и пошла искать Тихона.

Глава 2. Куклы не спят

Тихон нашёлся там, где я его оставила. Только лошадку он уже поставил на полку, а перед ним лежала разобранная кисть: деревянная ручка отдельно, пучок щетины отдельно.

Я остановилась в дверях.

— Я нашла вашу цаплю.

Он поднял голову.

— Где?

— В корзине возле кухни. Она яблоко взяла.

— Значит, успокоилась.

Я подождала, пока он добавит что-нибудь ещё. Он осторожно собрал щетину, стянул её ниткой и потянулся за баночкой клея.

— Тихон.

Он снова посмотрел на меня.

— Она сама взяла яблоко.

— У Нады их целая корзина. Надеюсь, одно переживём.

Я шагнула внутрь и закрыла за собой дверь. Подвешенный аист качнулся, задев меня крылом по плечу. Я отодвинулась так резко, что Тихон наконец положил кисть.

— Агата вам не сказала?

— Что именно?

Он вздохнул.

— Присядьте, Соня.

Я посмотрела на единственный свободный табурет. Там лежали какие-то тряпки. Тихон убрал их, и я всё-таки села. Зря только сразу поставила сумку на пол: из-под стола показался узкий деревянный нос.

Лис обнюхал ремень.

Я подняла сумку на колени.

— Он на батарейках?

— Нет.

— Внутри мотор?

— Нет.

— Тогда как он ходит?

Тихон помолчал, подбирая слова.

— Я его таким сделал.

В театре тоже случались люди, предпочитавшие не делиться своими секретами. Один знакомый бутафор целый месяц уверял меня, что вовсе не понимает, как у него складывается ширма, хотя сам её придумал. Поэтому я не стала обижаться.

— Я не собираюсь копировать. Просто хочу понять, с чем мне работать. Вы говорите, у дракона крыло порвалось. Если там тонкая тяга, то мне нужно знать, чтобы её не задеть.

— Тяги там нет.

— А что есть?

Он наклонился и поднял лиса с пола. Тот сразу начал перебирать лапами.

— Вот. Посмотрите.

Я не взяла его.

Тихон подождал, потом поставил зверька на стол и положил перед ним остаток тонкой щепки. Лис ухватил её поперёк и попробовал унести. Щепка оказалась шире прохода между банками. Он развернулся боком, стукнулся хвостом о коробку и сердито мотнул головой.

Я осторожно протянула палец.

— Не за хвост, — предупредил Тихон.

Я и не собиралась за хвост. Коснулась спины. Дерево было чуть тёплым, гладким на боках и шершавым вдоль хребта, где резец оставил маленькие бороздки. Лис перестал возиться со щепкой и повернул морду к моей руке.

Я отдёрнула палец.

— Он кусается?

— Если очень надо.

— Кому?

Тихон посмотрел на лиса.

— Ему, как правило.

Я не засмеялась. Мне хотелось, чтобы сейчас из-за шторы вышел человек с пультом и извинился за розыгрыш. Однако штора висела спокойно. За маленьким окном кто-то прошёл с ведром, на стене тикали часы.

— Это настоящее дерево?

— Липа. Хвост из другого куска, первый неудачный был.

Тихон подвинул ко мне обрезок. Я взяла его, провела ногтем по торцу. Дерево как дерево.

Лис оставил щепку и подошёл ближе. На этот раз я позволила ему коснуться моей ладони. Нос был твёрдый. Зверёк повозился, поддел пальцем — вернее, узкой передней лапой — ремешок моих часов и потянул.

Я придержала застёжку.

— Нет. Это останется у меня.

Он посмотрел в сторону.

Я вдруг вспомнила печенье. Если оно попало внутрь, то там должно быть какое-то отверстие, полость, что угодно. Я спросила об этом.

Тихон показал на стол. Возле щепки лежали мелкие крошки.

— Он не ест. Ему нравится таскать.

Я посмотрела на крошки, потом на лиса. Он уже занялся чужой пуговицей.

С объяснением печенья стало легче. С остальным ничего не изменилось.

— Мне нужна Агата, — сказала я.

— Сейчас позову.

Тихон встал, но я тоже поднялась. Остаться одной в мастерской мне совершенно не хотелось.

* * *

Агата выслушала меня возле большого стола, за которым я недавно пила чай. Она даже не попыталась сделать удивлённое лицо.

— Простите, Соня. Думала сначала поговорить с вами спокойно. Тихон у нас порой забывает, что люди бывают неготовы.

— То есть это не розыгрыш?

— Нет.

Я потёрла ладони. На одной осталась тонкая золотистая пыль от липового обрезка.

— Тогда объясните.

Агата села напротив.

— Есть места, где умеют делать вещи, которых вы здесь не встречали. Ярмарка бывает в таких местах. Тихон оттуда родом.

— Из какой страны?

— Мы называем её Элверном. Только обычным поездом туда не попасть.

Я посмотрела на неё внимательнее. Она говорила без торжественности. Поправила ручку моей кружки, чтобы я не задела её локтем, и убрала со стола пустую сахарницу.

— Это вы сейчас про другой мир?

— Да.

Несколько секунд мы молчали.

Нада прошла мимо с миской картошки. Посмотрела на нас, покачала головой и поставила миску возле Агаты.

— Ты хоть покорми человека.

— Нада, мы разговариваем.

— Вот я и слышу.

Она вернулась к кухонному фургону. Агата предложила мне картошку, я отказалась. Есть под разговор о другом мире казалось совершенно невозможным.

— Лида знает? — спросила я.

— Знает, что наши куклы умеют больше обычного. Через дорогу не ходила. Ей пока достаточно здесь дел.

— Вы всем так рассказываете?

— Тем, кого приглашаем работать с нами, приходится. Иначе человек испугается посреди дороги, а возвращать его будет гораздо труднее.

— Возвращать можно?

— Конечно.

Она сказала это так просто, что я разозлилась.

— Вы понимаете, как это звучит?

Агата кивнула.

— Понимаю. Я вас сейчас никуда и не зову. Хотите — закончите работу здесь, получите деньги. Или совсем не приходите, за сегодняшнее мы всё равно рассчитаемся. А захотите посмотреть — покажу. Спрашивайте, что нужно. Решать сегодня необязательно.

Я немного успокоилась. Значит, можно было уйти, подумать. И завтра мне не придётся оправдываться, если я так и не поверю.

— А документы? Граница?

— У нас есть люди, которые встречают приезжих и проводят через ворота. В Элверне вы будете гостьей ярмарки. Ваши вещи останутся вашими, деньги тоже. Никаких клятв давать не придётся.

— А если там передумаю? Кто меня вернёт?

— Я, Тихон. Или попросите человека у ворот, он тоже дорогу знает.

Я хотела спросить ещё что-то очень важное, но в голове всё смешалось. Выходило, у мира, который я знала двадцать шесть лет, есть дверь. Кто-то ходит через неё за тканями и яблоками, а я вчера полвечера думала, стоит ли покупать новый клеевой пистолет.

От этой мысли почему-то стало обидно.

Я всё-таки взяла кусочек картошки. Она была горячая, с солью и укропом.

— Можно увидеть эти ворота?

— Можно. Только сегодня мы через них не пойдём. Вы и так растеряны.

— Я не растеряна.

Агата посмотрела на мою руку. Я держала картошку пальцами, хотя вилка лежала рядом.

Я положила кусочек на тарелку.

— Ладно. Немного.

Она улыбнулась, но ничего не сказала.

* * *

У старой каменной арки росли две берёзы. Я много раз проходила мимо этой части парка и не помнила, чтобы здесь было что-нибудь особенное. За аркой начиналась короткая дорожка к бывшему летнему кафе. На дверях кафе висел замок.

Агата остановилась у левого столба.

— Смотрите внимательно. Я отойду на несколько шагов.

— Куда?

— За поворот. Вернусь сразу.

Она прошла под аркой и свернула возле берёзы. Не исчезла вспышкой, не растворилась в воздухе. Просто сделала шаг туда, где, как я помнила, стояла сплошная кирпичная стенка ограды.

Я обошла арку с другой стороны.

За берёзой никого не было.

Я подошла ближе и потрогала кирпич. Он был сырой, холодный. Между швами рос тонкий зелёный мох.

— Агата?

Ответа не было.

Я резко обернулась, проверяя, не прошла ли она у меня за спиной. Дорожка оставалась пустой. Где-то возле карусели смеялись дети. С улицы донёсся сигнал машины.

Когда я снова посмотрела на арку, Агата стояла рядом со столбом.

В руке у неё была ветка с маленькими жёлтыми цветами.

— Там сейчас теплее, — сказала она.

Я не взяла ветку.

— Повторите.

Она повторила. На этот раз я смотрела прямо на неё и всё равно не поняла, куда она делась. Между столбом и берёзой оставалось узкое пространство. Я могла просунуть туда руку, но не пройти сама.

Вернувшись, Агата присела на низкий каменный бортик.

— Можно и третий раз. Но лучше пока остановимся.

Я села рядом. Колени дрожали, и это было особенно неприятно: никакой опасности вокруг не наблюдалось.

— Я ведь ничего не пила, кроме вашего чая.

— Можете привести кого-нибудь, кто моего чая не пил.

Я посмотрела на неё.

— Маму?

— Если хотите. И сестру. Кого вам нужно, чтобы спокойно решить.

— Вы разрешаете рассказывать?

— Близким — разумеется. Мы не увозим людей тайком.

Я взяла протянутую ветку. Цветы были настоящие. Один лепесток прилип к пальцу, на срезе выступила прозрачная капля.

— А почему я никогда об этом не слышала?

Агата пожала плечами.

— Слышали, наверно. Только принимали за сказки. Не каждый, кто узнаёт дорогу, хочет убедить в ней весь свет. Некоторые просто ходят в гости.

Такого объяснения мне было мало. Я сказала об этом. Агата не обиделась.

— Словами я вам большего не докажу. Сначала сами посмотрите, что сможете.

Обратно мы шли молча. Я несколько раз оглянулась на арку. Она стояла на прежнем месте, с облупившейся белой полосой по краю. Между берёзами висел старый пакет, зацепившийся за ветку.

Мне захотелось снять его. Почему-то именно это показалось сейчас необходимым.

Я вернулась на несколько шагов, достала пакет и свернула в комок. Агата дождалась меня у дорожки.

* * *

Возле фургонов сталолюднее. Девушка в синем переднике расписывала широкую доску, поставив её на два ящика. Тёмные волосы она заколола двумя разными карандашами. Увидев Агату, подняла кисть.

— Мам, надо решить с афишей. Здесь писать время или оставлять пустое место?

— Здесь время. На другой оставь, будем менять.

Девушка взглянула на ветку у меня в руке.

— Уже показывала?

— Немного. Рута, это Соня. Будет помогать Тихону, если ещё захочет.

Рута отложила кисть и вытерла ладонь о передник.

— Здравствуйте. У вас сейчас, наверное, очень много вопросов.

— У меня они пока не складываются.

— Тогда сначала поешьте. Потом лучше получается.

В этой семье явно существовал общий способ решать затруднения.

Я подождала, пока Агата договорится с дочерью об афишах. За её плечом высокий мужчина распутывал верёвку возле стопки свёрнутых тканей. Один рулон всё время откатывался к его ноге, и он терпеливо возвращал его на место.

— Рута, придержи, пожалуйста.

Девушка уже взяла кисть, поэтому я поставила ветку на ящик и поймала рулон прежде, чем он упал в грязь.

— Спасибо, — сказал мужчина.

Он затянул узел. На запястье у него была царапина, совсем свежая. Я машинально посмотрела, не попала ли кровь на ткань.

— Зацепился за край сундука, — объяснил он.

Я смутилась.

— Я не из-за руки. Просто светлая ткань.

— Значит, вы та самая мастерица, которую ждёт Тихон.

— Соня.

— Леон.

Он принял у меня рулон и осторожно прислонил его к стене.

— Вам нужны будут нитки или полотно, загляните ко мне. Я до отъезда здесь.

Спросить, какого именно отъезда, я не успела. Из-под стола выскочил лис, а за ним, возмущённо стуча клювом, показалась цапля. Леон подхватил другой свёрток, Рута подняла доску, и оба зверя промчались между нами, не задев ничего, кроме моего самообладания.

— Тихон! — позвала Агата.

Из жёлтого фургона ответили:

— Вижу!

Леон посмотрел на меня, потом на ветку с жёлтыми цветами.

— Вы сегодня впервые?

Я кивнула.

— Тогда не стойте возле прохода. Они сейчас обратно побегут.

Он отступил, освобождая мне место у стены. Я встала рядом.

Цапля действительно вернулась. Уже одна. В клюве у неё торчала моя ветка.

Я посмотрела на пустой ящик и вдруг засмеялась. Сначала тихо, потом громче. От смеха стало легче дышать, хотя верить происходящему я всё ещё не умела.

Леон дождался, пока я успокоюсь.

— Скажите Тихону. Он вернёт.

— Вы уверены?

— Цапля у него посговорчивее лиса.

Домой я ушла с веткой, бумажным свёртком денег и номером Агаты. По дороге трижды проверила время на телефоне. Всё шло как обычно. За те несколько минут, что хозяйка ярмарки отсутствовала возле ворот, в моём мире не сменилось ни века, ни даже часа.

На остановке я набрала маме сообщение: «Можно я сегодня приду пораньше? Надо кое-что рассказать».

Мама почти сразу ответила: «Конечно. Только суп ещё не готов».

Я долго смотрела на эти слова. Потом написала, что ничего страшного, я помогу.

Глава 3. Разговор за ужином

Мама открыла дверь с половинкой очищенной морковки в руке.

— Ты быстро. Я думала, ещё час будешь собираться.

Я поцеловала её в щёку, сняла куртку и сразу уронила ветку. Один жёлтый цветок остался на коврик.

Мама посмотрела вниз.

— Красивые. Это тебе дали?

— Да.

— Поставь в воду. На кухне банка от мёда, я как раз вымыла.

Я послушно понесла ветку на кухню.

Здесь всё было как обычно. Над плитой сушились прихватки, на холодильнике лежала пачка нот, которую мама никак не могла отнести в комнату. Через приоткрытую форточку тянуло прохладой. Я налила воду в банку, поставила цветы и долго поправляла их, хотя ветка была одна и стоять неправильно почти не могла.

— Руки помой, — сказала мама. — Картошку почистишь.

Я помыла руки и села возле ведёрка. Мама вернулась к моркови.

Первые пять минут я занималась исключительно картошкой. Снимала кожуру, вырезала глазки, складывала клубни в миску с водой. Мне хотелось начать разговор как-нибудь так, чтобы он не показался безумным уже с первого предложения.

Подходящего начала не находилось.

— Ну, рассказывай, — сказала мама. — Ты с ними договоришься?

— Да. На неделю.

— А дальше?

— Дальше пока не знаю. Они уедут.

Мама кивнула.

— Передвижной театр?

— Ярмарка. Там театр, разные мастерские, торговцы. У них настоящие фургоны. Очень красивые.

— Лида там раньше работала?

— Подшивала плащи. Говорит, нормальные люди.

Я разрешила картофелину пополам. Нож соскользнул, и я отложила его на край стола.

— Мам, только ты сначала дослушай.

Она перестала тереть морковь.

— Что случилось?

— Ничего плохого. Я просто сегодня кое-что увидела.

Дальше я рассказала про лиса.

Мама слушала внимательно. Про печенье даже переспросила, не может ли оно застрять внутри игрушки. Я объяснила, что он его не ел, только крошил. После этого она вернулась к тёрке.

— Сейчас какие угодно игрушки делают. У Миши дома собака, он ей говорит сидеть, она садится. Даже голос хозяина узнаёт.

— Я понимаю. Но я держала его в руках. Это кусок дерева.

— Снаружи.

Я открыла рот и закрыла.

Именно это я сама сказала бы ещё утром.

— Там не было видно никаких соединений, — попробовала я снова. — Лапы двигаются, а дерево не разделено на детали. Я смотрела.

— Значит, хорошо сделали.

— Мам.

Она положила морковь на тарелку.

— Соня, что ты хочешь мне сказать?

Я посмотрела на жёлтые цветы возле раковины.

— Они утверждают, что ездят в другой мир.

Тёрка с коротким стуком легла на стол.

Мама подождала. Наверное, думала, что сейчас я улыбнусь.

Я не улыбнулась.

— Это название представления? — спросила она.

— Нет.

Она медленно вытерла руки полотенцем.

— Ты им деньги давала?

— Нет. Они мне дали. На материалы.

— Что подписывала?

— Ничего ещё.

— Паспорт показывала?

Я начала раздражаться.

— Я же не ребёнок.

— Вот поэтому и спрашиваю.

Мы замолчали. Из комнаты за стеной донёсся звонок телефона. Мама посмотрела в сторону, но не пошла отвечать. Я знала этот звонок: кто-то из учеников переносил занятие. Обычно она брала трубку сразу.

— Я видела, как Агата прошла через стену, — сказала я тихо.

Мама села напротив меня.

— Через какую стену?

Я рассказала про арку. Чем подробнее рассказывала, тем хуже всё звучало. Женщина, с которой я познакомилась час назад, позвала меня в пустую часть парка, дала чай, показала странный фокус и предложила работу с поездками. Если вычеркнуть деревянного лиса, то мама уже могла звонить Лиде и спрашивать, что у неё за знакомые.

Впрочем, она и так могла.

— Позвони ей, — сказала я, пока мама ещё не предложила это сама. — Лиде. Она Агату знает давно.

— Я сначала с тобой хочу договорить.

— О чём?

Мама отвела взгляд на миску с картошкой.

— О том, почему ты так быстро поверила чужим людям.

— Я не поверила людям. Я увидела.

— Да я слышу. Что-то необычное ты увидела. Только послушай себя, Соня: чужие люди, странная работа, какие-то поездки.

Я потянулась за картофелиной, потом вернула её в воду. Чистить больше не хотелось.

Звонок в дверь спас нас от следующей реплики.

Мама поднялась. Я услышала в прихожей Анин голос, шорох пакета и вопрос, почему никто не отвечает на сообщения. Сестра вошла на кухню с коробкой эклеров.

— Я думала, вы уже поужинали без меня. Что у вас тут?

Она поставила коробку, посмотрела на маму, потом на меня.

— Соня?

— У меня новая работа, — сказала я.

— Судя по вашим лицам, в цирке с тиграми.

Я посмотрела на маму.

— Почти.

* * *

Аня выслушала всё с начала. Села на моё место, взяла нож и закончила картошку, пока я стояла возле окна и рассказывала во второй раз.

Про цаплю ей понравилось.

— У тебя есть видео?

— Нет.

— Сонь.

— Я не подумала.

Она подняла брови.

— Ты снимаешь каждый удачный шов и каждую непонятную застёжку. Почему не сняла живую цаплю?

— Потому что сначала я думала, что она обычная. А потом стало не до телефона.

Аня вырезала последний глазок и отложила нож.

— Ладно. Покажешь завтра.

— Ты со мной пойдёшь?

— Конечно. Мне теперь самой интересно, что там за ярмарка.

Мама не разделяла её любопытства.

— Аня, это не развлечение.

— Мам, я понимаю. Но сидя на кухне мы ничего не узнаем.

Я благодарно посмотрела на сестру. Она подняла палец.

— Только договоримся. Никаких поездок, никаких подписей и денег. Приходим днём, смотрим, разговариваем, уходим.

— Я и не собиралась сегодня уезжать.

— Вот и хорошо. Завтра тоже без спешки.

Мама поставила кастрюлю на плиту. Плитка щёлкнула, зашумела вытяжка. Пока сестра мыла руки, я убрала картофельные очистки и протёрла стол. Мне было неловко, что я принесла домой такое беспокойство. Одновременно хотелось вернуться к арке и ещё раз убедиться, что я ничего не перепутала.

Я достала телефон.

Агата ответила после двух гудков.

— Соня, вы благополучно добрались?

— Да. Я сейчас у мамы. Можно завтра прийти с ней и с сестрой?

— Конечно. Часов в одиннадцать удобно?

Я посмотрела на маму. Она кивнула, хотя обычно в это время занималась с одной девочкой. Видимо, решила перенести урок.

— Удобно. И ещё...

Я замялась.

— Спрашивайте.

— Они пока не верят.

— Я и не ожидала, что поверят по телефону. Приходите.

Я убрала телефон.

Аня уселась с эклером и попросила показать адрес. Потом нашла Лидин номер в моём телефоне и спросила, можно ли позвонить. Я сама набрала и передала трубку.

Мне было стыдно за этот звонок. Словно я привела взрослую сестру проверять, правильно ли выбрала себе подругу. Но Лида, кажется, не обиделась. Аня сначала говорила осторожно, потом расслабилась. Дважды засмеялась и в конце поблагодарила.

— Ну? — спросила я.

— Работала с ними. Деньги получила. Людей не теряла.

— А про куклы?

Аня посмотрела на телефон.

— Сказала, что сама до конца не понимает, как они устроены. И что Тихон очень обижается на слово «фокусник».

Мама разлила суп.

Мы какое-то время ели молча. Я вдруг поняла, что действительно голодна. Картошка на ярмарке осталась единственной нормальной едой с утра.

— Ты собиралась с ними ехать? — спросила мама.

Я опустила ложку.

— Пока нет. Я даже не думала всерьёз. Это всё слишком быстро.

— А если окажется правдой?

Я посмотрела на неё. Мама не улыбалась. Ей было трудно произнести это, но она всё-таки произнесла.

— Не знаю, — сказала я честно. — Наверное, мне захочется посмотреть.

Она кивнула и вернулась к супу.

Аня разломала кусочек хлеба.

— Сначала посмотрим, — сказала Аня. — Одно дело в гости сходить, другое — надолго уехать.

— Я понимаю.

Я не стала спорить. За этот день мне уже столько раз предложили не торопиться, что наконец захотелось послушаться.

* * *

После ужина Аня ушла звонить Паше, а мама достала ноты на завтра. Я помогала ей раскладывать листы по папкам. У каждого ученика была своя, с наклейкой на корешке. У Миши наклейка отклеилась и цеплялась за соседние.

— Подклеить? — спросила я.

Мама протянула маленький тюбик.

Пока клей схватывался, мы сидели рядом за столом. Из кухни доносился Анин голос. Она рассказывала мужу, что задержится ещё на час, но про ярмарку пока молчала.

Мама коснулась ветки, которую я перенесла в комнату.

— Что это за цветы?

— Агата не сказала.

— На форзицию похожи. Только листья другие.

Я наклонилась. Маленькие листья были плотные, с мягким серебристым ворсом по краю. Мама осторожно провела пальцем по одному и поднесла руку к носу.

— Пахнут лимоном.

— Да.

Она ещё немного рассматривала ветку.

— Я ведь не потому тебе не верю, что считаю тебя глупой.

Я перестала прижимать наклейку.

— Знаю.

— Не похоже было.

Я посмотрела на свои руки. Клей выступил из-под бумажного уголка, и я сняла его ногтем.

— Мне самой странно. Я весь день пытаюсь придумать, как это возможно. Когда ты начала про собаку на батарейках, я разозлилась, потому что сама с этого начала.

Мама чуть улыбнулась.

— Значит, мы похожи.

Я тоже улыбнулась.

Она закрыла папку.

— Если завтра окажется, что это действительно... — Мама замолчала, подбирая слово.
— Что всё это настоящее, то мне всё равно будет страшно отпускать тебя с незнакомыми людьми.

Я придвинулась и обняла её за плечи.

— Я же пока никуда не еду.

— Пока, — повторила она.

Мы посидели так немного. Мама пахла мылом и яблочным кремом для рук, который Аня подарила ей на день рождения. Этот запах был знаком мне гораздо лучше любого цветка из другого мира.

— Я ничего не буду решать тайком, — сказала я.

Мама повернулась ко мне.

— Хорошо. Только не обещай сейчас то, чего сама ещё не знаешь.

Я кивнула.

Перед уходом мы всё-таки открыли коробку с оставшимися эклерами. Аня рассказывала про автора учебника, который заменил половину примеров уже после того, как она сверстала страницы. Мама советовала не отвечать ему ночью. Я слушала и чувствовала, как постепенно возвращаюсь в привычный разговор.

Когда Аня собралась домой, мы вышли вместе. Она жила в другом районе, но проводила меня до остановки.

— Сонь, только честно. Они тебе ничего такого не обещали?

— Какого?

— Ну, что ты особенная. Что только тебя ждали. Что у тебя дар, который никто не понимает.

Я невольно засмеялась.

— Тихон спросил, чем я укрепляю края масок.

— Уже лучше.

— И велел не тянуть лиса за хвост.

Аня сунула руки в карманы.

— Этому совету я готова поверить заранее.

На остановке стояли ещё двое. Мужчина с пакетом продуктов смотрел в телефон, девушка пыталась закрыть зонт. Аня помогла ей поймать вывернутую спицу, и я вдруг подумала, что завтра буду очень рада видеть сестру рядом. Она умела заниматься самым ближайшим делом, когда я уже успевала растеряться из-за всего остального.

Подожёл трамвай. Я обняла её на прощание.

— Спасибо, что пойдёшь.

— Я же должна наконец увидеть твою цаплю.

Дома я поставила инструментальный ящик возле двери. Села на кровать, сняла часы и обнаружила на ремешке маленькую царапину. Там, где лис пытался поддеть застёжку.

Я поднесла ремешок к свету.

Царапина никуда не делась.

Я положила часы на тумбочку, проверила будильник и выключила свет. Через минуту включила обратно и написала Агате ещё одно сообщение: «Мама спрашивает, можно ли будет сразу вернуться, если мы всё-таки пройдем».

Ответ пришёл быстро: «Да. Сначала только туда и обратно. Вы будете всё время вместе».

Я переслала его маме.

Она ответила сердечком, а потом добавила: «Ложись спать».

Я положила телефон экраном вниз. На этот раз свет выключила окончательно.

Глава 4. По ту сторону ворот

Мама пришла в удобных ботинках.

Я заметила это ещё издалека. Обычно для прогулки по городу она выбирала туфли, а эти доставала, когда мы ехали за грибами или собирались долго ходить. На плече у неё висела небольшая сумка. Зная маму, я могла предположить, что там есть вода, платки и что-нибудь съедобное.

Аня держала телефон в руке.

— Зарядила, — сообщила она вместо приветствия. — На этот раз у нас всё будет снято. Я не стала возражать.

У входа в парк продавали рассаду. Мама машинально посмотрела на маленькие горшки, спросила у продавщицы название одного цветка, поблагодарила и только потом заметила, что мы с Аней ждём.

— Привычка, — сказала она.

Мы прошли к ярмарке.

Сегодня здесь почти ничто не напоминало место, где со мной случилось невероятное. Мужчина чинил колесо, девочка лет десяти несла ведро, стараясь не расплескать воду на ботинки. Возле кухни пахло подгоревшим хлебом. Кто-то изнутри фургона просил передать чистое полотенце.

Агата встретила нас у стола.

Я представила маму и сестру. Агата поздоровалась, предложила сесть. От чая мы отказались втроём так дружно, что она на секунду прикусила губу.

— Хорошо. С чего начнём?

Мама посмотрела на меня, предоставляя говорить самой.

— Покажите им лиса, пожалуйста.

— Если удастся поймать.

Аня подняла телефон.

— Снимать можно?

— Кукол можно. Людей сначала спросите.

Мы пошли к Тихону. По дороге мама остановилась возле зеркального павильона. Навес уже починили, и у входа стояли два кривых зеркала. В одном мама получилась совсем маленькой, в другом Аня вытянулась до такой степени, что ноги стали похожи на две спицы.

— А это тоже? — спросила мама.

Агата поняла её сразу.

— Нет. Обыкновенные. Митька, покажи сзади, пожалуйста.

Мальчик, подметавший возле входа, придержал раму. Аня обошла её, посмотрела на деревянные распорки и коротко кивнула. Она выглядела так, будто начала проверку с самого простого вопроса и пока ответ сошёлся.

Тихон на этот раз заранее убрал со стола лишнее. Возле окна лежали три зверька: лис, небольшая мышь и лошадка, которую он вчера подкрашивал. Мама первой заметила, что лошадка переминается с ноги на ногу.

Она остановилась на пороге.

Аня прошла вперёд и включила запись.

— Это сейчас вы ею управляете?

Тихон показал обе руки. Потом положил их на колени.

Лошадка продолжала топтаться.

— А кто-то другой может?

— Может попросить её сделать что-нибудь, — сказал Тихон. — Не всякого послушает.

Аня опустила телефон.

— Можно взять?

Он кивнул.

Сестра подняла лошадку, повернула боком, посмотрела на живот. Зверёк согнул заднюю ногу и упёрся копытцем ей в ладонь. Аня вздрогнула, но не уронила.

Мама шагнула ближе.

— Осторожно.

— Я осторожно.

Аня смотрела на сгиб ноги. Я знала, что она сейчас чувствует. Дерево должно было либо сломаться, либо оказаться разделённым в этом месте на две детали. Ничего такого не происходило.

Она ещё раз повернула лошадку. Та вытянула шею и уткнулась мордой в рукав её куртки.

— Тёплая, — сказала Аня.

Тихон переставил банку, которую лис уже пробовал столкнуть со стола.

— Они солнце любят.

— Внутри что? — спросила мама.

— Дерево.

— Совсем?

— Совсем.

Аня поставила лошадку и отступила. На экране телефона запись продолжалась: стол, Тихоновы руки и часть маминой сумки. Сестра посмотрела на экран, перевела камеру на зверька и ещё несколько секунд молча снимала.

Я не стала говорить, что предупреждала. Вчера мне понадобилось не меньше времени.

Мама так и не решилась взять лошадку. Но когда мышь подбежала к краю стола, она подставила ладонь, чтобы та не упала.

Мышь остановилась, пошевелила носом и развернулась.

Мама медленно убрала руку.

— Ладно, — сказала она. — Покажите теперь ворота.

* * *

Возле арки нас ждал незнакомый мужчина в серой куртке. Он держал под мышкой связку тонких досок и разговаривал с Агатой о каких-то петлях.

— Это Степан Фролов, — представила его она. — Живёт здесь, держит мастерскую на соседней улице. Знает обе дороги.

Степан переложил доски и поздоровался.

— Мне Агата сказала, вы хотите посмотреть. Я как раз оттуда, могу с той стороны встретить.

— Вы тоже с ярмаркой? — спросила мама.

— Нет. Только помогаю, когда приезжают. У меня здесь дом, работа. Иногда хожу за деревом к тамошним мастерам.

Мама внимательно посмотрела на него. Кажется, наличие обычной мастерской не убеждало её ни в чём, но она запоминала каждую подробность.

Степан положил доски на каменный бортик.

— Первые разы лучше без ноши. Непривычно немного. Вы решите сами, идти или нет. Я пока подожду.

Агата объяснила, что нам нужно будет пройти вместе с ней. Сначала под арку, потом повернуть к берёзе и не пытаться обогнуть ствол с наружной стороны. Я посмотрела на узкую щель между деревом и столбом.

— Там же места нет.

— Когда будем идти вместе, появится.

Аня вытащила из кармана монету и положила на бортик рядом с досками.
Мама посмотрела на неё.

— Зачем?

— Не знаю, — честно ответила сестра. — Хочу, чтобы здесь что-нибудь осталось.
Степан не усмехнулся. Просто подвинул одну дощечку, чтобы монета не скатилась.
Мама поправила ремень сумки.

— Мы сможем сразу выйти?

— Да, — сказала Агата. — Я сначала покажу обратный поворот. Дальше площади не пойдём.

— А если кому-то станет плохо?

— Вернёмся. Можно и сейчас отказаться.

Я посмотрела на маму. Она сжала губы, потом протянула мне руку.

— Пойдём.

Её ладонь была холодная.

Агата встала впереди. Аня пошла рядом со мной, не убирая телефон. Мы прошли под аркой. Я видела знакомый кирпич, мокрый мох и белую полосу на камне. Потом Агата повернулась так, будто между берёзой и столбом была широкая дорожка.

Я ожидала удара плечом.

Вместо этого под ногами хрустнул мелкий гравий.

Мама остановилась. Я тоже.

Перед нами лежала залитая солнцем площадь. За низким каменным ограждением шумели деревья с круглой тёмной листвой. На другой стороне женщина снимала бельё с верёвки, протянутой между двумя столбами. На крыше её дома сохла связка длинных красных перцев.

Было тепло.

Тёплый воздух коснулся лица, забрался под воротник. Где-то пахло печёным тестом. С соседней улицы донёсся размеренный стук, словно кто-то выколачивал ковёр.

Мама сжала мою руку так сильно, что кольцо вдавилось мне в палец.

— Мам.

Она сразу ослабила хватку, но отпускать не стала.

Аня опустила телефон.

— Подождите.

Мы ждали.

Сестра повернулась, прошла два шага назад и замерла возле каменной арки, очень похожей на нашу. По обеим сторонам росли деревья, только стволы были гладкие, серые, без белой коры.

— Покажите обратно, — сказала она.

Агата подошла к ней.

— Вот сюда. Сначала посмотрите на нижний камень, потом повернитесь вместе со мной. Они сделали шаг и пропали.

Я успела испугаться. Мама даже не успела: Агата и Аня почти сразу вернулись.

В руке у сестры была монета.

Она сжала её в кулаке и посмотрела на меня. Я ещё никогда не видела у неё такого выражения лица.

— Доски там, — сказала она.

Я кивнула, хотя это ничего не объясняло.

Степан появился с другой стороны арки. Уже с досками. Он спокойно прислонил их к ограждению.

— Всё хорошо?

Мама покачала головой.

— Я не знаю.

— Давайте присядем, — предложил он.

На площади стояла каменная скамья. Мама села, я опустилась рядом. Аня осталась на ногах. Она смотрела то на телефон, то на крыши, потом всё-таки выключила запись.

Мимо прошёл пожилой человек с корзиной. Поздоровался с Агатой, спросил, надолго ли ярмарка задержится на Земле. Она ответила, что ещё на несколько дней, и уточнила, не привезли ли из Вереска новые краски для Руты.

Я слушала этот обычный разговор и никак не могла соединить его с тем, где мы находились.

Мама вдруг открыла сумку.

— Воды хотите?

Аня взяла бутылку первой.

* * *

Мы провели на площади минут десять. Никуда дальше не пошли, хотя за углом показалась лавка с расписной вывеской, и мне очень захотелось посмотреть, что там продают.

Мама спросила название места.

— Вереск, — ответила Агата. — Это западные ворота. Отсюда идёт дорога к речным городам.

— Здесь тоже люди живут?

Агата посмотрела на женщину, снимавшую бельё.

— В основном люди. В других местах бывает по-разному.

Мама помолчала.

— На сегодня хватит.

Мы вернулись тем же путём. Я всё время держала её за руку, а возле самого поворота ещё и оглянулась на площадь. Женщина с бельём подняла корзину на бедро и скрылась за дверью. Мелькнул жёлтый фартук, закрылась створка.

Потом снова запахло сырой землёй.

В нашем парке дул холодный ветер. Я застегнула куртку. Мама проверила часы, Аня посмотрела на телефон. Времени прошло ровно столько, сколько мы провели на площади.

Степан остался по ту сторону. Агата показала нам номер его мастерской и объяснила, в какие дни он обычно бывает возле ворот. Мама записала адрес на бумажке, хотя я могла просто переслать его сообщением.

Никто не предложил нам немедленно заключить договор или собирать вещи. Агата только спросила, будем ли мы теперь пить чай.

На этот раз мама согласилась.

За столом она долго грела ладони о кружку. Аня просматривала запись. Там было видно, как мы идём под арку, как у края кадра появляется мама, как в следующий момент вместо серой дорожки виден светлый гравий. Никакой красивой вспышки камера не поймала. Картинка просто менялась так, словно человек повернул за угол.

— Если показать, то скажут монтаж, — заметила Аня.

— Я бы тоже сказала, — ответила я.

Сестра посмотрела на меня и впервые за утро улыбнулась.

Мама поставила кружку.

— Теперь объясните, какую работу вы предлагаете моей дочери.

Агата повернулась ко мне.

— Соня, расскажете сами? Я дополню, если нужно.

Я поставила кружку, чтобы не мешала.

Я рассказала про занавес, дракона, парики и обычный ремонт. Про то, что Тихон может научить меня большему, но пока ему нужна помощь с тем, что я уже умею. Что здесь я работаю до конца недели, а о поездке мы ещё не договаривались.

— И ты хочешь ехать? — спросила мама.

Я провела пальцем по зелёной полосе на кружке.

— Хочу посмотреть ещё. Но на месяц сразу не поеду.

Агата кивнула.

— Послезавтра мне нужны кое-какие вещи из Вереска. Поехали бы на день, Соня? К вечеру вернётесь со Степаном, он как раз идёт сюда.

— А вы останетесь? — спросила мама.

— До утра. Степан покажет обратную дорогу. Пусть Соня сама убедится, что и без меня сможет вернуться.

Мама посмотрела на бумажку с номером.

Аня отложила телефон.

— Это уже можно обсудить.

Мы ещё долго сидели за столом. Мама задавала вопросы, некоторые повторяла, потому что первый ответ, кажется, не успевал уложиться у неё в голове. Агата отвечала терпеливо, а на то, чего не знала, обещала позвать Тихона или Степана.

Я тоже спрашивала. Не только о работе. О деньгах, языке, погоде, о том, как отправлять письма. Агата объяснила, что в городах возле старых переходов давно говорят на нашем языке: так проще торговать с земными соседями. В дальних краях ей и самой иногда требовался переводчик.

А вот привычной телефонной связи в Элверне не было. Это мне не понравилось. Я уже собралась спрашивать про срочные звонки, но Агата сказала, что до дальней поездки мы проверим почту и договоримся о днях возвращения.

Когда мы наконец поднялись, чай давно остыл.

Рута принесла маме маленькую ветку тех самых жёлтых цветов. Ничего не объясняла, просто протянула.

— У нас они возле дома растут. Тихон сказал, ваша вчера цапле понравилась.

Мама взяла ветку обеими руками.

— Спасибо.

* * *

Обратно мы шли медленно. Аня иногда оглядывалась, словно парк мог теперь тоже измениться. У рассадного лотка мама остановилась и купила тот цветок, о котором спрашивала утром.

Мы с сестрой переглянулись, но промолчали.

Дома мама поставила горшок на подоконник. Долго выбирала место, переставляла соседние растения, проверяла, не касается ли лист стекла. Я ждала на кухне, пока Аня заказывала нам обед. Готовить никто не захотел.

Наконец мама вернулась.

— Я поверила, — сказала она.

Я подняла голову.

— Да?

— Соня, я там была. Не знаю, как теперь с этим жить, но была.

Она села напротив.

— Только я всё равно не понимаю, зачем тебе туда ехать.

Мне хотелось ответить сразу, но я удержалась. Потому что «там настоящее волшебство» сейчас прозвучало бы слишком просто.

Я подумала о Тихоновой мастерской. О мягком дереве под пальцами, о движении, которого я не могла объяснить. О занавесе, который нужно было починить к представлению, и о том, что после этого представления люди не разойдутся каждый в свою сторону.

— Я хочу научиться делать такие вещи, — сказала я. — И посмотреть, как там живут. Я не знаю, понравится ли мне надолго. Но попробовать хочу.

Мама слушала, не перебивая.

— Одного дня для начала достаточно, — добавила я.

Она посмотрела на Аню.

Сестра пожала плечами.

— Давайте сначала переживём этот день. Соня вернётся к вечеру, и у нас появится что обсудить.

Мама не улыбнулась, но кивнула.

Позже, когда привезли еду, она вдруг спросила, почему у женщины на площади перцы сушились на крыше, а бельё возле дома. Мы с Аней не знали. Мама сказала, что в следующий раз надо будет спросить.

Я ничего на это не ответила. Только положила ей ещё риса, пока он не остыл.

Глава 5. До вечернего чая

Накануне поездки я наконец починила дракону крыло.

Оказалось, самое трудное — уговорить его не складывать перепонку, пока я прикалываю новый кусок ткани. Я несколько раз просила Тихона подержать, но тот только придвинул ко мне деревянную подставку и показал, как уложить на неё локоть дракона.

— Сначала объясните, что будете делать.

Я посмотрела на куклу.

Дракон лежал на столе, вытянув длинную морду между передними лапами. Один глаз был закрыт. Вторым он следил за ножницами.

— Я пришью тебе новую перепонку, — сказала я. — Старую сниму. Немного посидишь спокойно, и всё.

Глаз не закрылся.

— Ничего тебе не отрежут, — добавил Тихон.

После этого крыло удалось расправить.

Я работала почти час. Ткань была тонкая, но прочная; когда я попросила ещё кусочек, Тихон объяснил, что такого у него больше нет. Пришлось особенно внимательно подбирать стежки и несколько раз проверять, не тянет ли край.

Готовое крыло дракон осмотрел сам. Повертел плечом, сложил, раскрыл. Потом сунул нос под мой локоть и улёгся поперёк обрезков.

— Доволен, — сказал Тихон.

— А убрать за собой он не умеет?

— Это ему ещё никто не показывал.

Я посмотрела на мастера. Тот невозмутимо выбирал из коробки маленькие петли для кукольной ширмы.

— Вы предлагаете мне попробовать?

— Если получится, то начнём с него.

Я аккуратно вытянула из-под дракона самый длинный лоскут. Он даже не поднял головы.

Агата зашла к нам ближе к вечеру и напомнила про утреннюю встречу. Я показала ей готовое крыло. Она похвалила работу, спросила, удобно ли мне возвращаться к шести, и записала на отдельном листке, что нужно привезти из Вереска.

— Нитки для Тихона, масло для ламп, краски Руте. Сначала зайдём к её мастеру, там бывает очередь.

— Мне что-нибудь взять с собой?

— Удобную сумку. Обедать будем в городе. Дождя пока не обещают, но накидку я вам дам.

Она посмотрела на мой инструментальный ящик.

— Его оставьте. Сегодня вы закончили.

Я хотела объяснить, что ещё не подмела, но Нада уже позвала всех к ужину. Тихон встал, убрал коробку на полку и подхватил дракона под живот. Тот недовольно пошевелил хвостом.

— Работал человек, — заметила я.

— Вот и пусть отдыхает там, где ему положено.

Тихон устроил его на широкой полке под окном.

Впервые за эти дни я осталась ужинать с ярмаркой. Нада поставила передо мной миску, Войт передал хлеб. Рута спросила, в какой мастерской я училась делать маски, и до конца ужина мы обсуждали краски. Мне даже удалось ненадолго забыть о завтрашнем переходе.

Вспомнила я уже дома, когда мама прислала сообщение: «К шести у меня?»

Я ответила: «Да. Как договорились».

* * *

Утром я пришла к арке на четверть часа раньше.

В сумке лежали телефон, кошелёк, записная книжка и два свёртка с бутербродами. Мама принесла их мне накануне по дороге от ученицы. Я сказала, что нас собираются кормить в городе, но она предложила просто взять. Я взяла.

Перед выходом долго выбирала куртку. Толстая могла оказаться лишней, в тонкой я замёрзла бы по дороге к парку. В конце концов надела обычную и решила, что с этим затруднением сумею справиться даже в другом мире.

Степан ждал возле арки с пустой тележкой.

— Рано вы, — сказал он.

— Боялась опоздать.

— Сегодня спешить некуда. Агата сейчас подойдёт.

Я спросила, во сколько мы вернёмся. Он посмотрел на часы.

— Из Вереска выйдем около пяти. Если захотите раньше, то найдёте меня у столяра на площади. Покажу где. Я дальше сегодня не собираюсь.

Он произнёс это спокойно, словно мы обсуждали обычную поездку на рынок. Вчера меня такая спокойная уверенность раздражала. Сегодня немного помогла.

Агата появилась с двумя плетёными корзинами. Поздоровалась, проверила, не забыла ли список, и повела нас к арке. Перед поворотом я остановилась.

Она сразу оглянулась.

— Передумали?

— Нет. Просто хочу запомнить.

Я посмотрела на камень у основания столба. Он был длинный, с трещиной в форме крючка. Дальше росла берёза, на коре темнела полоса, похожая на след от ремня. Агата показала мне, куда поставить ногу, и попросила не смотреть на стену.

— Пока идите за мной. Потом научитесь замечать сам поворот.

Я поправила сумку и шагнула следом.

На этот раз успела почувствовать короткий сквозняк между холодным воздухом парка и тёплым воздухом площади. Больше ничего. Живот не ухнул вниз, земля не ушла из-под ног. Я оказалась возле серого дерева и вдруг вспомнила, что почти всё это время не дышала.

Степан вывез тележку следом.

— Вот столяр, — сказал он, показывая на широкую дверь под зелёным навесом. — Если меня здесь не будет, то спросите у хозяина. Через час-другой вернусь к нему с досками.

Я посмотрела на дверь, на медный молоток над ней и записала в книжку: «Зелёный навес. Молоток».

Агата подождала, пока я уберу книжку.

— Пойдёмте?

Я кивнула.

Мы свернули туда, куда мне так хотелось заглянуть в прошлый раз.

Улица оказалась узкой и шумной. На стенах висели вывески, под окнами стояли кадки с травами. Возле одной лавки женщина выбивала пыль из маленького коврика. В другой открыли ставни, и солнце упало на целый ряд стеклянных бутылок. В каждой плавал цветок.

Я остановилась.

Женщина за прилавком приподняла одну бутылку. Внутри медленно развернулся белый венчик. Лепестки коснулись стекла и сложились снова.

— Для запаха, — объяснила Агата. — Открывают вечером, чтобы дом проветрить. У Нады такой с мятой.

Мне хотелось остаться возле прилавка надолго, но за нами уже остановилась тележка. Я посторонилась, извинилась и пошла дальше.

Агата ничего не сказала о моей рассеянности. Только перешла на другую сторону улицы, где было свободнее.

Краски продавали в глубокой прохладной лавке. Хозяин узнал Агату и сразу спросил о Руте. Пока они разговаривали, я рассматривала невысокие глиняные чашечки на полках. В одной лежал порошок такого густого синего цвета, что я невольно наклонилась ближе.

— Для ткани? — спросил хозяин.

— Для дерева. Я чиню реквизит.

Он протянул мне дощечку с пробами.

На сухом дереве краска оказалась светлее. Я провела пальцем возле пятна, не касаясь его, и попросила показать соседнюю чашку. Мы довольно быстро заговорили о том, что я понимала. О том, как краска ложится на старый слой, чем покрыть потёртое ухо лиса, как не потерять мелкие следы резца.

Когда Агата закончила покупки, я уже держала в руках маленький свёрток.

— Это мне, — объяснила я. — За свои деньги.

Она посмотрела на хозяина.

— Запиши на меня, вечером рассчитаемся с Соней.

Я смутилась. Мои обычные деньги лежали в кошельке, но здесь ими, конечно, было бы трудно расплатиться.

Агата отвела меня к свободному краю прилавка и достала несколько монет.

— Возьмите пока на день, в счёт вчерашней работы. Потом покажу, сколько это в ваших деньгах. А здесь цену спрашивайте сразу. Если непонятно, то переспросите. Ничего страшного.

Я взвесила монеты на ладони. Серебристые кружки были потёрты, на самом маленьком почти не различалось изображение птицы.

— А если мне назовут вдвое дороже?

Хозяин лавки, услышав, усмехнулся.

— С Агатой рядом не рискнут.

Я убрала монеты в отдельный кармашек. Мне не хотелось потерять половину дневного заработка из-за того, что я ещё не привыкла к его весу.

* * *

Леона мы встретили возле торговых рядов.

Он стоял перед прилавком, на котором были разложены мотки шнура. Старуха за прилавком что-то горячо ему объясняла и всё время дёргала один моток, показывая, насколько он крепкий. Леон слушал, скрестив руки на груди. Когда она закончила, попросил небольшой кусок.

Старуха отрезала.

Он взял шнур, потёр между пальцами, затем спокойно развёл руки. Нить лопнула.

Старуха некоторое время смотрела на два обрывка.

— Значит, этот отсырел, — сказала она наконец.

— Похоже на то.

Леон положил обрывки на прилавок и поздоровался с нами. Старуха уже доставала другой моток.

— Вам большой, Агата?

— Два. Только из тех, которые не рвутся.

Мы подождали, пока покупку завернут. Леон заметил мою записную книжку, торчавшую из сумки.

— Первый день в городе?

— Первый без мамы и сестры, — ответила я.

Он чуть улыбнулся.

— Что успели увидеть?

Я рассказала про цветы в бутылках и лавку красок. Хотела добавить, что всё остальное тоже интересно, но Агата позвала меня проверить список. Мы сверились: масло ещё не куплено, нитки тоже.

— Мне по дороге, — сказал Леон. — Я покажу, где лучше брать нитки. Агата может пока сходить за маслом.

Я посмотрела на неё.

Она кивнула.

— Через полчаса встретимся у пекарни. Вон там, где голубая дверь. Не потеряетесь?

— Постараюсь.

Леон подхватил одну из её корзин и отнёс к лавке. Затем вернулся ко мне.

— Пойдёмте. Здесь за углом.

В лавке ниток я задержалась гораздо дольше, чем собиралась. Здесь были тонкие льняные нити, мягкие шерстяные, катушки шёлка. Хозяйка позволила мне проверить прочность и даже принесла иглу, чтобы я попробовала продеть особенно толстую нить.

Леон тем временем выбирал пуговицы. Он не стоял за моей спиной и не торопил, только один раз подсказал, что мотки в дальнем ящике окрашены плохо и после дождя могут испортить ткань.

Когда мы вышли, у меня был небольшой пакет, а у него тяжёлый мешочек, звеневший при каждом шаге.

— Вы всю коробку купили? — спросила я.

— Почти. В Белой Пристани такие быстро разбирают.

— У вас там лавка?

— Да. Ярмарка к ней к лету дойдёт.

Я вдруг представила его лавку: обычную дверь, стол, полки, соседей. До этого Леон почему-то существовал для меня только рядом с рулонами ткани возле фургона.

Из переулка выкатилась маленькая бочка. Я отступила, ожидая, что следом побежит хозяин, но бочка сама повернула к нужному порогу и остановилась.

Я посмотрела на Леона.

— Это тоже?

— Хозяин пивной ленится носить воду.

— И она сама знает дорогу?

— Пока мостовую не переложат. Тогда придётся учить заново.

Он дождался, пока я рассмотрю бочку. Из пивной вышел мальчик, взял её за обруч и втащил внутрь.

— Вы не устали? — спросил Леон.

Я хотела ответить, что нет, но почувствовала, как гудят ноги.

— Немного.

— У пекарни есть скамья. Агата ещё не должна была уйти.

Мы нашли хозяйку за столиком возле голубой двери. Она уже заказала нам обед. Я села, поставила покупки под ноги и вдруг почувствовала, насколько проголодалась.

Леон устроился сбоку. Когда принесли миски, он подвинул мне хлеб.

Суп пах незнакомой пряной травой. Я попробовала осторожно, потом взяла ещё ложку. Агата рассказывала о дороге к Липовому Броду, где после дождей размывло нижнюю тропу. Леон слушал внимательно и дважды переспросил, кто оттуда приезжал последним.

Я заметила, как он изменился. Только что спокойно выбирал пуговицы, а теперь почти не притрагивался к обеду.

Когда Агата отвлеклась на знакомую, я спросила:

— Вы ждёте кого-то с той дороги?

Он не сразу ответил.

— Надеюсь встретить знакомого.

Я кивнула. Вопросов больше задавать не стала.

Через минуту он всё-таки взял ложку.

* * *

К пяти часам я уже сама нашла зелёный навес.

Агата оставила меня у столяра, ещё раз убедилась, что Степан собирается обратно, и ушла к знакомой, у которой ночевала в городе. Я попрощалась с ней и неожиданно почувствовала себя увереннее. До этого я всё время держала её в поле зрения. Теперь она ушла, а я осталась возле нужной двери и знала, что делать дальше.

Степан затянул последний ремень на тележке.

— Готовы?

Я кивнула.

Мы прошли к арке. В этот раз он шёл первым. Перед поворотом остановился, попросил меня показать нижний камень и объяснить, куда я собираюсь поставить ногу.

Я показала.

— Верно. Только пока идите рядом со мной. В один день не выучитесь, ещё успеете.

Возле берёзы на земной стороне оказалось прохладно. Я застегнула куртку и достала телефон. Связь появилась не сразу. Я подождала, пока на экране возникли привычные значки, и позвонила маме.

— Я вернулась. Сейчас к тебе.

Она выдохнула так тихо, что я могла бы не заметить.

— Хорошо. Чайник поставлю.

Степан подождал окончания разговора.

— До дома нормально дойдёте?

— Да. Спасибо вам.

— Привыкнете. В следующий раз уже легче будет.

Он взялся за ручку тележки и пошёл к выходу из парка. Я стояла ещё минуту, глядя на арку. За ней начиналась обычная дорожка. Мне уже не казалось, что весь другой мир сейчас исчезнет, если я отвернусь.

Дома у мамы я первым делом поставила на стол пакет с нитками. Она тронула бумагу, спросила, сколько это стоило. Я рассказала. Потом достала маленький хлебец из пекарни и свёрток красок.

— А бутерброды? — спросила мама.

Я виновато полезла в сумку.

Она рассмеялась впервые за эти дни так легко, как смеялась обычно.

— Значит, завтра доешь.

Мы пили чай, а я рассказывала про город. Про бочку, пекарню, хозяина красок. Про то, как улицы к вечеру становятся золотистыми и как над лавкой ниток на втором этаже сидела девочка, вышивавшая на пяльцах.

Мама слушала и задавала вопросы. Иногда смотрела на часы, будто всё ещё проверяла, что я действительно успела.

Когда я собралась уходить, она взяла один моток ниток и поднесла к лампе.

— Красивый цвет.

— Правда?

— Очень. Что сошьёшь?

Я подумала о занавесе Тихона.

— Пока не знаю. Но что-нибудь придумаю.

Мама вернула моток и обняла меня на прощание.

— Хорошо, что съездила на день, — сказала она.

Я прижалась щекой к её плечу.
— Я тоже так думаю.

Глава 6. Одна ночь

Почтовая галка первым делом попыталась расколоть мамину пуговицу.

Мама отдернула рукав. Птица возмущённо щёлкнула клювом, переступила по спинке стула и принялась рассматривать нас другим глазом.

— Пуговицу не надо, — сказал Степан. — Елена Сергеевна, дайте ей лучше орех. Маленький кусочек.

Мама взяла со стола орех и протянула галке. Та аккуратно подцепила его, проглотила и снова посмотрела на рукав.

— Запомнит, что здесь кормят, — объяснил Степан. — Теперь ещё голос узнает. Можно позвать её с окна, когда увидите.

— Как звать?

— Просто «письмо». Она привыкла.

Мама посмотрела на меня.

Я пожала плечами. После живых деревянных зверей и дороги через стену обученная птица должна была казаться обычным делом. Но именно сейчас происходящее выглядело особенно странно: галка сидела у нас на кухне, рядом с полотенцами, расписанием маминых уроков и вазочкой, которую я знала с детства.

Степан принёс её после моей первой поездки. Мы заранее договорились, что до ночёвки в Элверне проверим ещё и письма. Галка уже умела проходить дорогами между мирами, но наш дом ей нужно было показать.

Услышав это, мама сама пригласила Степана с птицей. Потом приготовила орехи, убрала с подоконника самые хрупкие горшки и открыла форточку.

Галка прилетела не через неё. Степан внёс птицу на руке, потому что сначала собирался познакомить с домом, а уже потом показывать подход с улицы.

— Она будет летать сюда из Вереска? — спросила мама.

— Из двора Эллы, у которой её держат. Соня будет относить письмо туда. Обратно можно отправить ответ тем же путём.

— А если птица не прилетит?

— Позвоните мне. Я схожу к Элле и узнаю, что случилось. Птицы тоже могут задержаться. На них одних полагаться не нужно.

Мама кивнула. Степанов номер у неё был.

Степан привязал к маленькому кожаному колечку у лапы сложенную бумажку. Затем вышел с галкой во двор. Мы с мамой остались возле окна.

Птица поднялась над деревом, сделала круг и села на край подоконника. Мама тихо сказала «письмо». Галка повернула голову.

Я сняла бумажку. Внутри было написано: «Проверяем, дошло ли».

Почерк у Степана оказался крупный, неровный, с длинными хвостами у букв.

Мама вытащила из ящика ручку и дописала: «Дошло».

Я помогла ей закрепить ответ. Галка взяла ещё орех и улетела вниз, к Степану.

Мама некоторое время смотрела ей вслед.

— У нас теперь и это будет, — сказала она наконец.

В её голосе не было восторга. Скорее усталое удивление человека, которому за одну неделю пришлось освоить слишком много нового.

Я взяла её под руку.

— На этот раз я только до завтра.

— Помню.

— И напишу вечером.

— Лучше не обещай большой рассказ. Просто сообщи, что устроилась.
Я пообещала именно это.

* * *

Ночевать мне предстояло в доме Надиных родственников на окраине Вереска. На этот раз я шла через ворота с Рутой и Тихоном: им нужно было забрать новые доски для ширмы и поговорить с хозяином двора, где ярмарка собиралась остановиться после отъезда с Земли.

Агата оставалась готовить последнее городское представление.

Я ещё раз проверила, что у мамы есть номера, у меня адрес Эллы, а в сумке тёплая кофта. Потом убрала телефон. Делать мне с ним до возвращения всё равно было нечего.

Рута несла плоский свёрток с рисунками.

— Тяжёлый? — спросила я.

— Нет. Просто неудобный. Если ветер, то всё время разворачивает.

Я предложила завязать его крест-накрест. Она дала мне верёвку, и мы задержались на минуту возле арки. Тихон не торопился. Рассматривал небольшой камень, найденный на дорожке, и в конце концов сунул его в карман.

— Зачем? — спросила Рута.

— Хороший.

— Это он для чего-нибудь или просто хороший?

— Посмотрим.

Рута улыбнулась мне, словно предупреждая, что такой ответ можно получить на половину вопросов к Тихону.

В Вереске шёл дождь.

Я остановилась под аркой, доставая из сумки накидку, которую одолжила Агата. Рута успела накрыть рисунки своим плащом и теперь держала свёрток поперёк груди.

— Вот потому и крест-накрест, — сказала она.

Мы пошли по знакомой мне улице. Цветочные бутылки убрали под навес, лавка красок была закрыта. По водостоку бежала тонкая струя, у края мостовой плавали жёлтые листья. Я шагнула через лужу и едва не попала во вторую.

Тихон придержал меня за локоть.

— Здесь камень провалился. Обойдём.

Город выглядел иначе, чем в первый день. Без солнца стены стали темнее, на площади было меньше людей. Мне это неожиданно понравилось. Чудесное место тоже могло быть мокрым и неудобным, и в нём тоже приходилось смотреть под ноги.

У столяра мы провели больше часа. Пока Тихон выбирал доски, я помогала Руте раскладывать рисунки на сухом столе. Хозяин рассматривал их внимательно, водил пальцем над линиями и спрашивал, как будут крепиться створки.

Рута отвечала уверенно. Я до этого видела её только с афишами и маленькими дощечками, а здесь поняла, сколько она знает о ярмарочной сцене. Она помнила размеры, расстояния, вес каждой части. Один раз поправила Тихона, и тот без всякого спора согласился.

Когда разговор закончился, хозяин принёс кусок дерева и положил перед ней.

— Посмотри, какой рисунок. Жалко под краску пускать.

Рута долго разглядывала светлые волны на срезе. Потом спросила, можно ли отложить для неё половину.

Он кивнул.

На улице она молчала, прижимая свёрток к груди.

— Что хочешь сделать? — спросила я.

Рута посмотрела на меня.

— Пока не знаю. Может, просто расписать край. Чтобы середину оставить.

— Для себя?

Она чуть замедлила шаг.

— Да. Для себя.

Это прозвучало так, будто она нечасто говорила подобное вслух.

* * *

У Надиных родственников нас встретили горячей водой и сушёными яблоками.

Хозяйку звали Дина. Она была похожа на Надю только руками: те же широкие ладони, та же привычка сразу поправлять то, что лежит неровно. Она приняла у нас мокрые вещи, показала, где умыться, и отвела наверх в небольшую комнату с двумя кроватями.

— Тихон внизу устроится. Вы вдвоём здесь. Если холодно будет, то возьмите одеяло из сундука.

Рута поблагодарила, я тоже.

Я поставила сумку у кровати, потрогала покрывало. Оно было грубоватое, чистое, с вышитыми по краю маленькими листьями. На стене висело зеркало. Я подошла, поправила волосы и вдруг заметила, что у меня очень усталое лицо.

Путешествовала я всего полдня.

Рута переодевалась у другой кровати.

— Первый раз всегда устаёшь, — сказала она, поймав мой взгляд в зеркале.

— От перехода?

— От того, что всё время смотришь. Потом перестанешь замечать половину того, что сейчас замечаешь.

Я не была уверена, что хочу перестать. Но спорить не стала.

Мы спустились к обеду. Тихон уже сидел возле окна и вертел найденный на Земле камень. Дина поставила перед нами миски с густой похлёбкой и большой каравай. Её муж пришёл чуть позже, отряхнув у порога воду с шапки.

Они расспрашивали Руту о ярмарке, передавали приветы Наде и Войту. У меня спросили, понравился ли город. Я рассказала про лавку красок и цветы в бутылках.

— Элла такие любит, — сказала Дина. — У неё у птиц всегда мятой пахнет. Вы ведь к ней собирались?

Я посмотрела на часы и едва не вскочила.

До вечера оставалось ещё много времени, но письмо я собиралась отправить сразу, как устроюсь.

Рута отломил кусочек хлеба.

— Поедим и пойдём. Она рядом.

Я заставила себя сесть спокойнее. Никто меня не задерживал, а я уже вела себя так, будто опаздывала на последний поезд.

После обеда дождь почти закончился. Мы прошли две улицы и свернули в маленький двор, где под навесом висели клетки с открытыми дверцами. Несколько птиц сидели на длинной жерди. Одна перелетела на край крыши, другая спрыгнула к миске с водой.

Элла оказалась худой женщиной лет пятидесяти, с короткими волосами и вязаным платком на плечах. Она узнала Руту, а меня сразу спросила про мамину пуговицу.

Я засмеялась.

— Степан рассказал?

— Предупредил. Если птица решила, что где-то вкусно, то потом лучше прятать лишнее.

Мне дали бумагу и чернила. Я устроилась за маленьким столом под навесом.

«Мам, я на месте. Ночуем у родственников Нады, в Вереске. Здесь дождь, но в комнате тепло. Пообедали. Завтра возвращаемся, как договаривались. Обнимаю».

Я перечитала и добавила: «Бутерброды съели с Рутой по дороге».

Это было не совсем по дороге, а ещё у ворот, но я решила не усложнять отчёт.

Элла подождала, пока чернила подсохнут, помогла сложить письмо и позвала галку. Я узнала светлое пятнышко возле её шеи.

Птица позволила закрепить свёрток, перелетела на крышу и исчезла за домами.

— Сколько ждать? — спросила я.

— Если ваша мама дома, то ответ может прийти ещё до ужина. Если нет, то птица подождёт. Вы погуляйте, не сидите здесь весь день.

Рута взяла меня под руку и повела обратно к улице.

— Пойдём. Покажу одну лавку.

* * *

В лавке продавали бумагу.

После деревянных зверей и цветочных бутылок это могло показаться не самым интересным зрелищем. Я и сама удивилась, насколько надолго мы там задержались. Бумага была толстая, тонкая, гладкая, с вкраплениями травинки. Рута перебирала листы осторожно, почти кончиками пальцев.

Хозяйка позволила ей сесть за стол и попробовать карандаш.

Я устроилась рядом.

Рута начала рисовать окно напротив. Сначала вывела раму, потом линию навеса, несколько неровных листьев у стены. Я смотрела, как на пустом листе появляется знакомый угол улицы. У неё получалось очень спокойно: без постоянного стирания, без торопливых поправок.

— Ты давно рисуешь? — спросила я.

— Сколько себя помню. Училась у разных людей, понемногу. Мы же всё едем, надолго нигде не задержишься.

Она добавила на подоконнике маленькую чашку и положила карандаш.

— Поэтому и люблю сюда заходить. Посижу, порисую. Никому ничего от меня не надо.

Мы купили по несколько листов. Я выбрала самый обычный, достаточно плотный для эскизов. Рута взяла один большой, светлый, и долго решала, не слишком ли дорого.

— Если он тебе нужен, то бери, — сказала я.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Возьму.

Вечером мы сидели в комнате на полу, разложив покупки на покрывале. Рута показывала, как удобнее хранить листы в дороге, чтобы они не отсырели. Я предложила сшить ей плоскую сумку из плотной ткани. Она сначала сказала, что не хочет отнимать у меня время.

— Я же не за одну ночь, — ответила я. — Сделаем, когда найдём подходящий кусок.

Рута подумала и кивнула.

— Тогда я тебе вывеску нарисую. Для мастерской.

Я посмотрела на неё.

— У меня нет мастерской.

— Пока нет. Когда будет, нарисую.

Она сказала это так легко, что я не сразу нашла ответ.

Снизу позвала Дина. Мы спустились и обнаружили на столе письмо.

Мама писала, что всё получила. Что Аня тоже передаёт привет. Что галка съела два кусочка ореха, долго сидела на подоконнике и не хотела улетать, пока мама не догадалась закрепить ответ.

В самом конце было приписано: «Выспись. Не сиди ночью над работой».

Я перечитала эти слова дважды.

Дина поставила перед нами кружки.

— Хорошие вести?

— Да, — сказала я. — Всё хорошо.

* * *

Ночью я проснулась от чужого звука.

Сначала не поняла, где нахожусь. Над головой был незнакомый потолок, рядом темнело окно. Потом услышала дыхание Руты и вспомнила.

За стеной скрипела ветка. Дождь снова начался, капли постукивали по подоконнику. Где-то внизу один раз хлопнула дверь.

Я лежала, слушала и никак не могла уснуть.

Телефон показывал половину третьего. Связи не было. Я открыла мамино последнее сообщение, полученное ещё на Земле, потом закрыла. Ничего нового там появиться не могло.

— Не спится? — спросила Рута.

Я повернулась к ней.

— Разбудила?

— Нет. Я давно слышу, как ты ворочаешься.

— Всё непривычно.

Она села и накинула на плечи одеяло.

— Хочешь, лампу зажгу?

— Не надо. Уже лучше.

Мы помолчали.

— Я в первый раз в чужом доме тоже не спала, — сказала Рута. — У нас обычно всё скрипит, колёса двигаются, кто-нибудь ходит мимо. А там тихо. Я всё думала, не случилось ли чего.

Я улыбнулась в темноте.

— А я как раз от скрипа проснулась.

— Значит, в фургоне тебе сначала понравится не очень.

— Утешила.

Рута тихо засмеялась и легла обратно.

Мне действительно стало легче. Я поправила подушку, натянула одеяло до подбородка и слушала дождь уже спокойнее. Чужой мир за окном оставался чужим, но в комнате была девушка, с которой мы днём выбирали бумагу и вечером пили чай. Этого на первую ночь оказалось достаточно.

Утром я проснулась позднее всех.

Тихон уже вернулся от столяра. На столе лежали аккуратно связанные доски, возле них стоял новый мешочек с мелкими деревянными деталями. Дина отложила мне завтрак.

Я извинилась за то, что проспала.

— Выспалась? — спросила она.

— Да.

— Тогда садись.

Обратно мы вышли после обеда. Я несла свою сумку и плоский свёрток Руты: ей досталась одна из связок досок, и так было удобнее. Возле ворот я сама нашла знакомый камень, но всё равно дождалась Тихона.

Он посмотрел, куда я поставила ногу, и кивнул.

В земном парке пахло свежескошенной травой. Кто-то уже привёл в порядок газон перед выходными. Я достала телефон, позвонила маме и на этот раз услышала в её голосе прежде всего радость.

После этого мы ещё несколько дней работали в ярмарке. Я доделала старые парики, помогла Руте подшить флажки и научилась заранее закрывать инструментальный ящик, когда лис появлялся возле двери.

О первом круге мы говорили с Агатой вечером, за тем самым столом.

Две недели дороги. Возвращение через Вереск, если понадобится раньше. Письма из городов, где есть почтовые дворы. Работа, которую я уже умела делать, и занятия с Тихоном, когда у него находилось время.

Я попросила день на размышление.

Агата согласилась.

На следующий вечер я сказала ей, что поеду.

Глава 7. Синий шёлк

В день отъезда Аня принесла мне маленькую сумку для документов.

— У тебя всё в разных карманах, — объяснила она. — Потом сама не найдёшь.

Я хотела возразить, что прекрасно знаю, где у меня паспорт, но в этот момент действительно не могла вспомнить, в какую сумку его положила.

Пришлось поблагодарить.

Мама приехала вместе с ней. Стояла возле фургона, держала пакет с тёплыми носками и смотрела, как Войт закрепляет на крыше свёрнутый навес. Он работал неторопливо, проверял каждый ремень, потом спустился и прошёл вдоль колеса, постукивая по спицам.

— Всё готово? — спросила мама.

— Сейчас ещё ось смажу, — ответил он. — Тогда готово.

Она кивнула и повернулась ко мне.

— Носки убери так, чтобы достать можно было. Не на самое дно.

Я поставила пакет на ступеньку и обняла её.

Мы уже несколько раз говорили о дороге. Две недели, первое письмо из Вереска, затем с каждой большой стоянки. Если захочу вернуться раньше, то скажу Агате и поеду к ближайшим знакомым воротам. У мамы были номера Степана, Лиды и земного помощника ярмарки, который оставался следить за площадкой до следующего приезда.

Повторять всё это перед самым отъездом не хотелось.

Мама обняла меня в ответ, потом поправила ворот куртки.

— Смотри по сторонам, когда идёшь, — сказала она. — Ты, как засмотришься на что-нибудь, сразу под ноги забываешь.

— Буду.

— И пиши не только о работе.

Я засмеялась.

— Хорошо.

Аня обняла нас обеих, потом отступила и достала телефон.

— Давайте фотографию. А то получится, что я была, видела настоящие фургоны и ничего не сняла.

Мы встали рядом со ступеньками. На первом снимке у меня оказался закрыт один глаз, на втором мама смотрела на лошадь. Аня решила, что третьего хватит.

Лошадь стояла терпеливо, жевала и, кажется, относилась к нашему отъезду спокойнее всех.

Агата прошла вдоль фургонов, проверила, не осталось ли чего под колёсами, и позвала Руту. Та появилась с кистью за ухом и пятном краски на запястье.

— Соня, твоя сумка уже внутри. Я ей место освободила.

Мама посмотрела на неё.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — немного смущённо ответила Рута.

Ещё через несколько минут ярмарка тронулась.

Я сидела рядом с Рутой на передней скамье и оглядывалась, пока видела маму и Аню между деревьями. Они махали. Аня одной рукой держала телефон, второй пыталась убрать волосы с лица.

Перед аркой пришлось остановиться. Степан провёл первую лошадь, Войт прошёл возле колеса, придерживая выступавшую доску. Я смотрела, как повозка, слишком широкая для знакомого узкого прохода, поворачивает возле берёзы. С того места, где я сидела, между деревом и камнем вдруг открылось достаточно пространства.

Мама с Аней остались у дорожки. Я помахала им ещё раз и повернулась вперёд. Колёса загрохотали по другой мостовой.

* * *

Мы не уехали далеко в первый день. Агате нужно было закончить дела в Вереске, Тихону забрать ширму, Леону получить свёртки из лавки. Ярмарка остановилась за городом на большом дворе, где уже стояли кормушки для лошадей и длинные скамьи под навесом.

Моё место оказалось в Рутином фургоне.

Она подвинула сундук, освободила мне полку и показала, где можно закрепить сумку, чтобы в дороге не падала. Кровать откидывалась от стены. В сложенном виде под ней оставалось место для коробок с красками.

— Если неудобно, то скажи, — попросила Рута. — Я привыкла, а тебе, может, тесно.

Я села на край кровати.

Тесно было. Коленом я почти касалась сундука. Если повернуться неудачно, то можно было задеть головой полку. Но над моей подушкой находилось маленькое окно, и Рута убрала с подоконника свои кисти, оставив мне свободное место.

— Удобно, — сказала я. — Только покажи ещё раз, как это складывается.

Она показала. Мы несколько раз подняли и опустили кровать, пока я не перестала бояться прищемить пальцы.

После этого я разобрала сумку. Положила носки ближе к краю, как просила мама. Поставила возле окна маленькую банку с нитками и повесила куртку на свободный крючок.

Рута занималась своим сундуком и не смотрела на меня. Я была благодарна ей за то, что она дала мне обжиться без расспросов.

Вечером я сходила с Агатой к Элле и отправила домой первое письмо из длинной поездки. Оно получилось коротким: доехали, стоим возле Вереска, сплю у Руты, окно рядом с кроватью. Я уже сложила лист, потом вспомнила просьбу мамы и добавила, что здесь под навесом гнездятся ласточки. Они так низко носятся над столом, что Нада каждый раз прикрывает суп полотенцем, пока все не сядут.

Ответа я в тот же день не ждала.

Вернувшись в наш фургон, я застала Руту с двумя кусками ткани.

— Какой тебе нравится?

Я посмотрела на тонкий серый и плотный зелёный.

— Для чего?

— Занавеску тебе сделать. На окно. Утром солнце прямо в лицо будет.

Я взяла зелёный.

— Если можно, этот.

Мы сели на кровать и начали измерять окно. Я придерживала зелёную ткань у стекла и радовалась, что утром смогу укрыться от солнца.

* * *

На третий вечер в дороге я потеряла напёрсток.

Я уже научилась закрывать ящик, когда уходила из мастерской. Но сегодня оставила напёрсток на ступеньке, пока доставала булавки. Этого хватило.

Нашёлся он под нижней ступенькой Тихонова фургона. Лежал между чьей-то пряжкой и орехом, а сверху его прижимала деревянная лапа.

— Отдай, пожалуйста.

Лис отвлёл уши и посмотрел мимо меня. На правом ухе у него облупилась краска. Я купила подходящий оттенок ещё в первую поездку в Вереск, но теперь решила сперва забрать напёрсток.

— Соня?

Я выпрямилась слишком быстро и стукнулась затылком о ступеньку.

— Чёрт!

Зажмурившись, я потёрла ушибленное место.

Леон стоял рядом со свёртком под мышкой.

— Сильно ударились?

— Сейчас пройдёт, — пробормотала я, осторожно выбираясь из-под лестницы.

Он подождал, пока я уберу руку от затылка, потом посмотрел вниз.

— У вас тут склад?

— Мой напёрсток там.

— А моя пряжка со вчерашнего дня.

Он присел на корточки. Лис накрыл пряжку второй лапой.

— Тихон дома?

— У сцены. Проверяет кукол к завтрашнему представлению.

Леон поставил свёрток на ступеньку, развязал тесёмку и протянул её лису. Тот сразу потянулся носом, но лап не убрал. Пришлось провести тесёмкой по траве. Деревянный хвост дёрнулся, лис выскочил из-под лестницы, и я стрелой нашла наши вещи.

— Вы ему так скоро все завязки скормите, — сказала я.

— Одну я уже третью неделю не могу забрать.

Он отпустил тесёмку. Лис подхватил её и скрылся за колесом.

Я вернула Леону пряжку, надела напёрсток и наконец посмотрела на свёрток. Он отогнул край обёртки.

— Такой синий подойдёт?

Ткань легла мне на ладонь мягкой прохладной складкой. Я поднесла её к кукольному занавесу, который лежал на скамье: старый шёлк выплел возле самого шва, и найти к нему подходящий кусок оказалось непросто. Вчера я обошла с образцом половину ярмарки.

— Откуда вы его взяли?

— Со дна сундука. Пришлось выложить почти всё.

— И потом уложить обратно?

— Это ещё предстоит.

Я осторожно разгладила шёлк. В складках он казался темнее, но на свету почти совпадал с занавесом.

— Спасибо. Я уже думала нашивать по краю целую полосу.

— Хватит?

— Ещё останется.

Из соседнего фургона вынесли лампу. Нада поставила её на общий стол и принялась раздвигать миски. Потянуло луком и свежим хлебом. Я посмотрела на занавес. На работу оставалось минут двадцать, если никто больше ничего не украдёт.

Леон заметил мой взгляд.

— Вам оставили место рядом с Агатой.

— Я сейчас. Только угол закончу.

Я села на верхнюю ступеньку и расправила занавес на коленях. Нижний край потянулся к земле. Леон подхватил его, поставил свёрток на скамью и сел ступенькой ниже.

— Так держать?

— Чуть свободнее. А то стянет.

Он ослабил ткань. Я вколола булавку, проверила край и взялась за ножницы. Возле его виска зацепилась тонкая синяя нитка, должно быть, из того самого сундука. Несколько секунд я смотрела на неё, прежде чем сообразила, что перестала резать.

— Что-то не так?

— У вас нитка в волосах.

Леон провёл ладонью по затылку.

— С другой стороны. Можно?

Он наклонил голову. Я сняла нитку и положила её в корзинку с обрезками. Короткие волосы коснулись пальцев; я поспешила взять ножницы.

Я закончила вырезать вставку, подогнула край и взялась за иглу. Где-то за фургонами позвали Агату, возле стола застучали ложки. Леон придерживал ткань и смотрел на мою работу. Обычно я не любила, когда стояли над душой, но сейчас мне было удобно. Света хватало, занавес не сползал, и никто не спрашивал, скоро ли я закончу.

— Вы ведь работаете в театре? — спросил он.

— В разных. Меня зовут, когда нужно что-то сделать для спектакля.

— А потом?

— Потом спектакль готов. Я собираю инструменты и иду делать другой.

Он помолчал.

— Бывает жалко уходить?

Я посмотрела на ровный синий край у него в руках.

— Бывает.

С общего стола донёсся голос Агаты:

— Соня, Леон! Вы идёте?

Я собиралась попросить ещё десять минут, но увидела, что Леон всё ещё держит занавес. Его миска тоже стояла на столе.

— Идём! — ответила я и закрепила иглу в подушечке.

Мы сложили работу на скамью. Я убрала инструменты в ящик и задвинула щеколду. Напёрсток проверила отдельно.

— Завтра я помогу вам с сундуком, — сказала я.

— Тогда оставляю до завтра.

Он взял со ступеньки обёртку. Я подхватила с травы тесёмку, которую лис уже бросил, и протянула ему.

— Ещё пригодится.

Леон улыбнулся и пропустил меня вперёд. Возле стола Агата подвинула скамью. Между ней и свободным местом лежали две ложки; я села, оставив одну Леону.

* * *

За ужином Войт рассказывал, как однажды пытался приучить деревянную мышь носить ему гвозди.

— У Тихона же всё таскают, — объяснил он. — Думаю, почему бы не с пользой.

Нада положила ему ещё каши.

— Расскажи, куда потом гвозди делись.

— Нашлись.

— У меня в мешке с мукой.

Войт посмотрел на Тихона.

— Она решила, что там надёжнее.

Тихон пожал плечами.

— Может, и надёжнее. Ты свой ящик всю ночь открытым оставил.

Я невольно улыбнулась. После сегодняшнего случая с напёрстком мне было трудно заниматься в этом споре чью-нибудь сторону.

Митька сидел напротив, старательно подбирая хлебом остатки подливы. Он спросил Тихона, можно ли завтра взять мышь для представления. Тот велел сначала проверить, слушается ли она возле чужого стола.

— Проверю.

— До представления, — уточнил Тихон.

Митька кивнул с несколько обиженным видом.

Рута попросила меня после ужина посмотреть, как ткань будет видна при зажжённых фонарях. Я согласилась. Леон спросил, нужны ли ещё куски для завтрашнего показа.

Я перечислила то, что оставалось. Он покачал головой над одним цветом, пообещал посмотреть другой. Это был обычный рабочий разговор, но мне нравилось, что теперь можно просто обратиться к нему через стол.

После ужина мы пошли к сцене. Занавес повесили на временную перекладину, Рута зажгла два фонаря. Новый кусок почти не отличался от старого, только на сгибе чуть сильнее блестел.

— С края зритель не заметит, — сказала я.

Тихон отступил на несколько шагов, посмотрел и кивнул.

Я ощутила такое облегчение, будто весь день держала в руках слишком тяжёлую вещь и наконец смогла её поставить.

Рута попросила помочь снять занавес. Пока мы складывали его, она тихо спросила:

— Ты завтра после показа не собираешься сразу всё чинить?

— Смотря что сломается.

— Если ничего не сломается, то пойдём к реке. Здесь от двора хорошая тропинка.

Я посмотрела на тёмные деревья за оградой.

— Пойдём.

Я уже ждала этой прогулки. Хорошо будет посидеть у воды с Руткой, когда всё закончится.

* * *

Костюмы мы убрали в отдельный фургон. Он был длиннее остальных, с двумя окнами и широким столом посредине. Вдоль стен висели плащи, маски лежали в неглубоких коробках. У дальней стены стояло большое зеркало в потемневшей раме.

Я принесла туда занавес и задержалась возле полки, разглядывая расписанную птицами шкатулку. Рута убрала свечи и начала закрывать окна.

— Это всё ваше? — спросила я.

— Ярмарочное. Что-то мама купила, что-то Тихон сделал. Зеркало зимой привезли, когда меняли старое.

Я подошла ближе. В раме ещё виднелись остатки серебристой краски. По углам были вырезаны листья, некоторые потёрлись от времени.

Отражение получилось ясным, только возле самого края чуть темнее. Я поправила ворот и заметила на плече прилипшую нитку. Сняла её, бросила в коробку с обрезками.

— Закроешь дверь? — попросила Рута.

— Сейчас.

Я оглядела стол, чтобы убедиться, что мы ничего не забыли. На стекле возле рамы мелькнул огонёк фонаря. Рута уже вышла наружу, её шаги прозвучали на ступенях.

Я погасила оставшуюся свечу и закрыла дверь.

В нашем фургоне было тепло. Зелёная занавеска уже висела на окне; Рута успела пришить к ней последние петельки, пока я возилась с занавесом для сцены.

— Ты сделала, — сказала я.

— Там немного оставалось.

Я провела ладонью по краю ткани. Простая ровная строчка, маленькие петли, удачный цвет. Рута занялась своим свёртком бумаги, а я достала письмо от мамы, которое Элла передала через знакомого торговца.

Мама спрашивала, не холодно ли мне спать возле окна.

Я посмотрела на занавеску и улыбнулась.

В ответе написала, что теперь совсем хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.